

ляется секретом, что для людей различных возрастов, социальных положений, привычек и т.д. одни и те же отрезки времени протекают с разной скоростью. Этот эффект зачастую объясняется субъективностью человеческого восприятия. Но если это воспроизводится с удивительным постоянством в разные эпохи и в разных поколениях, если даже для одного и того же человека часто в разных жизненных ситуациях время «бежит» по-разному, то это уже указывает не только на особенности человеческих восприятий, но и на свойство самого времени.

Интерпретация проблемы «Россия – Запад» невозможно только в рамках и методологическими средствами «событийной» истории, поскольку Россия и Запад – это, по две разные исторические «материи», в которых в рамках очень длительного глобального тренда течет (во всяком случае, периодами) разное (локальное) историческое время и развитие которых детерминировано разными (или очень различными) матрицами. Может быть, именно такой подход позволит выработать адекватную интерпретацию старой проблемы «Россия – Запад», которая окажется полезной и эффективной для практической политики.

«ПАРАД РОКОВЫХ СОБЫТИЙ»: ВОЗМОЖНОСТИ МАСС-МЕДИА И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Расторгужев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: valeri2007@rambler.ru

«PARADE OF FATAL EVENTS»: POSSIBILITIES OF MASS MEDIA AND PROBLEMS OF POLITICAL PLANNING

Rastorguev Valery N., D.Sc. (Philosophy), Professor

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: valeri2007@rambler.ru

Роковые события. Роковые события, среди которых наиболее значимыми были великие природные и социальные потрясения, а чаще всего катастрофичные войны между народами, – традиционный предмет повышенного интереса со стороны историков, философов и политологов, что вполне объяснимо: это не просто события в череде других, а поворотные пункты истории. Они изменяют судьбы государств, цивилизационных миров и гражданских наций, этническое самосознание и коллективную память поколений. Истории народов, написанные до роковых событий и после них, даже если они написаны не только чернилами, но и кровью, – разные истории. Иногда после «тектонических событийных сдвигов» кардинально изменяется временной горизонт и сама историческая перспектива, а, следовательно, и представление о масштабах явлений и событий. То, что казалось несущественным и почти незаметным на фоне грандиозных поражений или побед, выдвигается на первый план, а воистину великие свершения теряются, воспринимаются как «фоновые картинки» или даже позорные страницы национальной истории.

Такие «абберации исторического зрения» могут закрепляться в новых поколениях в течение сравнительно короткого времени. Причем временной горизонт подобной коррекции коллективного сознания (то, что Ж. Делез и Ф. Гваттари называют «длинной памятью» расы или цивилизации, социума или семьи) постоянно сокращается в «обществе тотального замещения». Именно так можно определить общество, в котором нормой становится постоянное замещение межличностных коммуникаций манипуляционными технологиями, которые, с одной стороны, опосредуются массмедиа, что облегчает процесс унификации постоянно обновляемого набора «потреби-

тельских» стереотипов массового сознания, а с другой стороны, разрушают единое культурное пространство, поскольку под постоянным прессингом событий размываются прямые межпоколенческие преемственные связи.

В результате национальная идентичность, к примеру, вытесняется либо психологией, характерной для «плавильного этнического котла», либо, по точному определению Н.С. Трубецкого, ложным национализмом («Об истинном и ложном национализме»). А это превращение, в свою очередь, провоцирует дальнейшие и все более масштабные эксперименты по «конструированию» и «переконструированию» геополитического и цивилизационного пространства. Об эффективности подобных экспериментов свидетельствуют бесчисленные примеры нашего времени – и трагические уроки распада Югославии в центре Европы в результате интервенции («миротворческих военных операций») и на фоне общеевропейской интеграции, и противоестественное разделение русского народа и ряда других этнических образований в процессе демонтажа СССР.

При этом правильнее было бы говорить не только об «измененном сознании» или фальсификации истории, но и о явлениях иного порядка – о фальсификации самого общества. К такому парадоксальному на первый взгляд выводу приходит, в частности, Г. Дебор в известной книге «Общество спектакля», где он объясняет возникновение этого феномена выходом социума «за пределы простого естественного цикла для того чтобы стать ориентированной событийностью, последовательностью властных образований». При этом Дебор сравнивает общество спектакля с перманентной опиумной войной, акцентируя внимание на роли войн или «ложных примирений» в разрушении старых и возникновении новых коллективных иллюзий: «Теперь, когда Великий Раскол классовой власти завершился полным примирением, нужно сказать, что упорядоченная практика интегрированной театрализации сегодня "изменила мир экономически", в то время как он сам "по-полицейски изменил восприятие". ... Только потому, что подобное слияние произошло в экономико-политической реальности всего мира, мир, наконец, смог формально провозгласить себя единым. Но также и потому, что общая ситуация, в которой повсеместно возникало такое разделение власти, оказалась столь серьезной, миру необходимо было объединиться как можно скорее, чтобы единым блоком участвовать в одной и той же, основанной на консенсусе, организации мирового рынка, зрелищно *фальсифицированной* и обеспеченной. Но поэтому он, в конечном счете, так и не сможет объединиться». В результате, по мнению Дебора, мы можем лишь наблюдать, «как разрастается фальсификация, доходя до тривиальнейших вещей, словно липкий туман, сгустившийся над повседневностью»¹.

Во-вторых, как подметил Блондель, не следует забывать о сосуществовании в процессе познания разных «аналитических плоскостей», связанных как с признанием либо непризнанием объективных закономерностей развития, так и с альтернативными подходами к пониманию роли личности в истории. В этом случае «обвинение в "фальсификации" истории» (не случайно само слово «фальсификация Блондель берет в кавычки) следует понимать как строительство «непреодолимой преграды на пути любого вывода о значимости лидеров»².

Уже по этим причине события, относимые к роковым, приковывают внимание и требуют объяснения, которое, как подменил И. Кант, только тогда приближает нас к истине, когда мы допускаем в сознание идею провидения, высшей силы, когда за преходящим и случайным удастся увидеть неслучайное, непреходящее, инвариантное. В современной философии для обозначения этой «над-исторической» плоскости используется понятие «метаистория». А.С. Панарин в одной из своих последних лекций, прочитанных в Государственной академии славянской культуры, дал очень глубокое определение сути метаисторического измерения истории. По его словам, «Если в логике пространства закономерно побеждают физически сильнейшие, то в логике

¹ Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос. 1999. С. 2, 6.

² Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 24–25.

метаисторического времени, открытой мировыми религиями, торжествуют униженные. Реальная политическая история прокладывается между этими полюсами»¹.

Разумеется, отсылки на провидение чаще всего свидетельствуют всего лишь о нашей неспособности проникнуть в суть происходящего или о желании найти козла отпущения на случай неудач, как подметил Марк Твен в свойственной ему манере (его формула стала широко известным афоризмом). Подобные трактовки, «снижающие» статус проблемы роковых событий, возможно, вполне допустимы для сугубо профанной (и чаще всего профанированной) публичной деятельности, в том числе и политической. Примером может служить предвыборная агитация, в рамках которой двоемыслие с характерной этого способа мировосприятия подменой понятий – вполне эффективный, а потому и допустимый способ аргументации. Однако сознательное «занижение» темы непригодно для научного исследования, поскольку не только «опускает» тему, обесценивая ее, но и закрывает наиболее перспективные пути анализа. К роковым событиям следует относиться с учетом их «веса» в коллективной памяти и, соответственно, с должным уважением, даже если они и воспринимаются обезличенно – не как судьба предков, современников и потомков, а всего лишь как предметная область...

Именно кантовская позиция может быть положена в основу анализа синхронизма роковых событий по трем причинам. Во-первых, в ней достаточно четко определяется единственно возможный, как представляется, путь к корректной постановке проблемы, которая может стать предметом общего философского, гуманитарного, естественнонаучного и богословского осмысления только через допущение феномена предопределения (без этого «фермента» теория роковых событий «рассыпается» уже на зачаточных стадиях). Во-вторых, как будет показано ниже, она вполне согласуется с наиболее ценными в эвристическом плане и конкурентоспособными концепциями синхронизма, предложенными рядом выдающихся мыслителей и, что особенно важно, включенными в научный оборот. И в-третьих, она совпадает с той трактовкой, которая предлагается в рамках данного исследования.

По мнению Канта, в самом «механизме природы, к которой принадлежит человек (как чувственное существо), обнаруживается лежащая уже в основе ее существования форма, которую мы можем понять, не иначе, как приписывая ей цель Творца мира, предопределяющего ее». Предопределение Творца, по Канту, и следует понимать как Божественное провидение, а поскольку оно положено в начало мира, то и называть его должно основывающим. «Поскольку же оно в развитии природы поддерживает ее механизм по общим законам целесообразности, мы называем его распорядяющим провидением (*providentia gubernatrix*). Развивая эту мысль применительно к «отдельным событиям как божественным целям», Кант подчеркивает, что в этом случае правильнее было бы говорить не о провидении, а о Персте Божьем: «Желание познать его, как таковой (так как он, действительно, указывает на чудо, хотя события так не называются), есть безрассудная дерзость человека, потому что заключать от отдельных событий к особому принципу действующей причины (заключать, что это событие есть цель, а не только естественно-механическое побочное следствие из другой, нам совершенно неизвестной цели) нелепо и основано на самомнении, как бы благочестиво и смиренно ни звучали речи об этом».²

События-двойники. Сегодня достаточно легко предсказать, о чем будут говорить все СМИ и соответственно, о чем будут думать люди – от лидеров стран до рядовых обывателей – в следующем году, через год и через десятилетие. Причем предсказать характер и направленность дискурсов можно с точностью до месяца, до дня, ибо время циклично и само постоянно напоминает нам о роковых событиях прошлого. А СМИ привязаны к этим событиям, особенно к так называемым юбилейным датам, как привязаны животные к зонам кормления. Им всегда не хватает естественного корма, а юбилейные информационные события – надежный и качественный фураж.

¹ Панарин А.С. Политическое положение России: взгляд в будущее. М.: ГАСК, 2003. С. 15.

² Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6, С. 279–280.

Поэтому иногда юбилейные даты великих событий кажутся столь же весомыми, как и сами оригиналы. Но это не только кажимость. Даты не только овладевают вниманием масс, но и подчиняют себе волю лидеров ведущих стран мира, а это, в свою очередь, заставляет все крупные политические тела и весь «орбитальный мусор» (от публичных политиков среднего масштаба до дипломатов и рядовых политтехнологов) изменять «орбиты» своего движения в политическом пространстве. Таким образом, отражения событий правильнее было бы оценивать как их исторические продолжение, способное влиять не только на характер политического дискурса, но в ряде случаев и на выбор политического курса.

Все это чрезвычайно важно учитывать в ходе политического планирования и стратегического прогнозирования. Совпадение великих дат влечет за собой последствия, иногда не менее важные, чем совпадение реальных исторических событий. Парад событий как бы «нанализует» эпохи, срывает с событий покров привычности (хабитуализации) и тем самым приоткрывает логику истории.

Многие роковые события со страшной очевидностью повторяются из века в век, и каждый раз люди не воспринимают уроков, которые преподносит история. А уроки эти оплачиваются такой кровью и такими потерями, что, кажется, надо быть полностью лишенными души и памяти, чтобы не заметить этой исторической связи. Этнокультурная память народа и его национальная самоидентификация во многом сопряжены с памятью о войнах: великих победах и страшных поражениях. О каких событиях, а точнее, *событийных рядах* идет речь?

Остановимся только на нескольких событийных рядах, непосредственно связанных с отношениями между Россией и Европой. Увы, по значимости, как уже говорилось в самом начале доклада, выделяются по преимуществу истории войн, побед и поражений... Самое прискорбное заключается в том, что воевали между собой христианские, а иногда и православные, славянские страны. В этом отношении наиболее поучительным может служить сцепление событий-двойников во втором десятилетии Второго тысячелетия. В эти годы мы отмечаем и будем отмечать множество дат, которые роковым образом повлияют на сознание масс.

И первый по значимости событийный ряд – 2010–2015 гг. 2010 г. – 65-летие победы над фашистской Германией, а 2011 – 70-летие со дня начала Великой Отечественной войны. Эта война по праву называется в России Отечественной (хотя это все чаще оспаривается «историками», фабрикующими образ истории «под заказ»), так как она стала едва ли не главным основанием гражданской самоидентификации народов России, переживших до этого эпоху тотальной политической индоктринации, одной из целей которой был стирание многовековой коллективной памяти. И теперь каждый день до 9 мая 2015 г. включительно мы будем вспоминать хронику той войны, которая почти у каждой семьи в России отняла кормильца, а также хронику освободительной европейской миссии России, где каждый день – воистину на вес золота. Россия ценою невиданных жертв позволила восстановить суверенитеты тех европейских народов и государств, которые сегодня сообща создают единую Европу. Если сторонники теории нарративации будут убеждать в том, что перед нами не столько реальная история, сколько рассказ, то это не может изменить общей оценки. Пусть это рассказ среди рассказов, но факт остается фактом: это самый правдивый и самый поучительный в моральном плане из всех рассказов о мировых войнах. Самый поучительный, прежде всего, для России и для Европы, ибо он не столько повествование о прошлом, сколько предупреждение, своевременное предостережение.

На каких идеологических основах, на каких духовных принципах стоится Европейский дом? Это очень важно понять, поскольку никому не известны конечные цели строительства этого огромного «над-государства», а если называть вещи своими именами – сверхдержавы и, возможно, новой империи. Неизвестны цели строительства и самим европейцам, если, конечно, не сводить цели объединения к созданию более комфортных условий для бизнеса и получения преимуществ в конкурентной борьбе на мировых рынках.

К сказанному можно добавить то, что для граждан России *2010 г. – это еще и 90-летие со дня завершения горячей фазы Гражданской войны*, разделившей народ, как тогда казалось, навсегда. Гражданская война расколола даже самую Русскую Православную Церковь. На этом фоне особым историческим смыслом наполняется события последнего времени и, прежде всего, воссоединение Русской Православной Церкви.

Всем нам скоро придется детально вспоминать о событиях этой давней войны, ибо *второй событийный ряд – 2012–2014 гг. – двухсотлетие со дня «Нашествия двенадцати языков»*, как раньше называли Великую освободительную миссию России в начале XIX в., Отечественную войну 1812 г. Тогда точно также русские войска платили своей кровью за освобождение европейских государств. Думается, это урок с повторением (две Отечественные войны со столетним разрывом). Суть урока проста, но принимается с трудом: общими врагами и России, и Европы были силы, стремившиеся столкнуть Европу и Россию, как бы эти силы себя не позиционировали тогда и ныне. Напомню слова Наполеона, который он произнес в беседе с одним из наших дипломатов уже после начала боевых действий: «...теперь, когда вся Европа идет вслед за мной, как вы сможете мне сопротивляться?».

Мы очень часто забываем, что почти вся Европа тогда легла под идею или, как мы сказали бы теперь, под идеологию некоего европейского политического объединения, первая попытка создания которого и была предпринята Наполеоном. В силу многих обстоятельств и, прежде всего, политических интриг, нежелания учиться на собственных ошибках этот союз стал антироссийским и до сих пор сохраняет в себе эту губительную для самой Европы направленность. Уже при Наполеоне (во многом, кстати, против его воли) и после его падения Европа превратилась в анти-Россию, а Россия в глазах европейцев – в анти-Европу.

Были ли тогда у европейцев, в том числе французов и русских, другие пути и возможности выстроить мирные или хотя бы взаимопользные отношения между нашими цивилизациями? Возможно, что и были, хотя, как известно, у истории нет слагательного склонения. Правда, я подозреваю, что именно это склонение и свойственно истории: многие упущенные когда-то исторические возможности как бы консервируются, сохраняются во времени. Главное – не наступать на те же грабли и вовремя, когда наступит схожая ситуация, выбрать разумную стратегию, выгодную России. Именно об этом писал Н.Я. Данилевский в книге с говорящим названием «Горе победителям». Он утверждал, что наша славная в военном, но не в политическом смысле борьба против Наполеона не принесла нам особой пользы, т.к. мы не приобрели ни одного истинного друга и союзника. По его мнению, мы заплатили своей кровью за европейские, но не за российские интересы. Чем не урок?

Третий событийный ряд – 2012–2013 гг. – столетие балканских войн, их хроника. История вновь и вновь дает нам уроки, свидетельствующие о пагубности межцивилизационных войн и об особых рисках, связанных с противостоянием между православными государствами. Если вы помните, Первая Балканская война – война коалиции (Балканского союза) Сербии, Болгарии, Черногории и Греции против Турции. Эта война стала прелюдией ко Второй Балканской войне – столкновению коалиции и примкнувшим к ней Турции и Румынии уже против Болгарии. Отсюда вытекают тяжелейшие последствия и для Европы и для России, обернувшиеся в итоге глобальной катастрофой – началом Первой мировой войны, которая, как не без основания считают многие мыслители нашего времени, не закончилась и по сей день, усугубив разделение Европы и России. Многие исследователи приходят к выводу, что и Вторая мировая война – продолжение Первой в новом историческом контексте, с новыми геополитическими акторами, но на том же театре боевых действий и с еще более чудовищными, уже не поддающимися осмыслению невосполнимыми жертвами для европейцев и россиян.

На это наслаивается еще один *событийный ряд – это 2010–2012 гг. – период, когда мы отмечаем 400-летие спасения России*, ключ к которому – национальное единство, обретенное на краю гибели.

И конечно, *событийный ряд, мимо которого нельзя пройти, – 2013–2017 гг.* Речь идет о столетии со дня взлета династии Романовых (в 1913 г. с невиданным размахом отмечался 300-летний юбилей Дома Романовых) и о трагическом пути династии к гибели, которая произошла на фоне мировой катастрофы и крушения основных европейских империй.

Мы не задумываемся, к чему привела Первая мировая война, тем самым не замечаем ее неявных причин и механизмов. А среди целей бойни – сознательное уничтожение самих цивилизационных основ «старого мира», превращение Европы и России в расчищенную «стройплощадку», пригодную для реализации геополитических проектов. Именно в это время ушли в небытие прежние гаранты стабильности – великие империи – Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская, а уже на их руинах стали осуществляться самые циничные за всю историю человечества эксперименты над людьми и народами. Говоря о событийных рядах, мы перечислили только часть того, о чем стоило бы помнить. Но сам факт наслоения этих культурных пластов в 2010–2015 гг. заставляет заново выстроить систему ценностей и приоритетов.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.: ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ

Соловьев Алексей Васильевич, кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: alexol.ross.msc@mail.ru

PATRIOTIC WAR OF 1812: TWO VIEWS OF ONE HISTORICAL EVENT

Soloviev Alexey V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: alexol.ross.msc@mail.ru

Отечественная война 1812 г. является важной вехой в истории России, но нельзя сказать, что она хорошо исследована историками, политологами, социологами, экономистами и другими специалистами. Это относится как к отечественным, так и к зарубежным исследователям. В этом смысле интересно, как освещается это событие в нашей стране и во Франции, странах-протагонистах этого судьбоносного события в европейской и мировой истории.

Сразу после войны появились достаточно многочисленные произведения о войне, носившие в значительной мере мемуарный и историографический характер, что не уменьшает их значения, так как они воспроизводили воспоминания очевидцев этого события, ценные своим фактологическим аспектом. Здесь уместно упомянуть таких авторов, как Д. Бутурлин, М.Б. Барклай де Толли, М.И. Богданович, Е.В. Тарле, Ж. де Шамбре, М. Мортонваль, Ф. де Сегюр, К. Клаузевиц и др. Но уже тогда намечается тенденция описания политического контекста событий Отечественной войны 1812 г. и последовавшей кампании по освобождению Европы от Наполеона. Отдельные моменты такого подхода можно найти у участника войны К. Клаузевица в его работе «1812». В статье, опубликованной в «Военной библиотеке», под названием «Положение дел в политическом отношении при открытии похода во Францию 1814 г.» (1864 г.) М.И. Богданович акцентирует внимание на политическом аспекте происшедшего. Оценки событий того периода разнятся у французских и отечественных авторов. Это очевидно проявляется в политической и военной оценке Бородинского сражения, пожара в Москве, партизанского движения и др. событий.

Отношение к начавшейся войне нашло отражение в обращениях, сделанных главами воюющих государств. В воззвании императора Александра I к своим под-